

УДК 130.2

Ирина Донникова**ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФЕНОМЕН
АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ СЛОЖНОСТИ**

Проблему идентичности исследуют в контексте парадигмы сложности. Вводится понятие антропологической сложности. Идентификацию рассматривают как свойство антропологической сложности, становящейся по принципу самопроизводства и самоорганизации. Ставится вопрос о границах идентичности полисущностного человека.

Ключевые слова: идентичность, онтология сложности, полисущностный человек, антропологическая сложность, идентификация.

Donnikova I.**IDENTITY AS PHENOMENON
OF ANTHROPOLOGICAL COMPLEXITY**

The problem of identity is explored in the context of the paradigm of complexity. The concept of anthropological complexity is proposed. Identification is considered as a property of anthropological complexity, which becoming on the principle of self-production and self-organization. The question about the boundaries of identity of poly-essential human is posed.

Keywords: identity, ontology of complexity, poly-essential human, anthropological complexity, identification.

Доннікова І.**ІДЕНТИЧНІСТЬ ЯК ФЕНОМЕН
АНТРОПОЛОГІЧНОЇ СКЛАДНОСТІ**

Проблему ідентичності досліджують у контексті парадигми складності. Вводиться поняття антропологічної складності. Ідентифікацію розглядають як властивість антропологічної складності, становлення якої відбувається за принципом самопродукування і самоорганізації. Порушується питання про межі ідентичності полісущнісної людини.

Ключові слова: ідентичність, онтологія складності, полісущнісна людина, антропологічна складність, ідентифікація.

© Ирина Донникова, 2016

Проблема идентичности выявилась настолько же многоаспектной, насколько и актуальной. Об этом свидетельствует возникновение различных трактовок идентичности, появление семантически близких понятий: «самоидентичность», «автентичность», «самость», «самотождественность» и др. Изучение различных форм идентичности – этнической, культурной, религиозной, политической, гендерной и др. – актуализирует обсуждение и методологических аспектов проблемы. Однако становится очевидной недостаточность исследования разных форм идентичности. Задача заключается в понимании сущности этого феномена, определении, по словам Е. К. Быстрицкого, того, «что мы можем характеризовать как действительную, реальную идентичность», включая и вопрос «о граничных условиях любой идентичности, условиях возможности идентичности» [1, с. 56]. Такая постановка проблемы определяет ее как философско-антропологическую и философско-культурологическую проблему, которая центрируется вокруг человека, задающего вопросы: «Какого себя, с чем и, главное, как идентифицировать?».

В исследовании проблемы выделились (и разделились) личностная (персональная) и групповая (социальная) идентичности с соответствующими содержаниями разворачивающихся дискурсов. Преодоление «кризиса идентичности» видится в установлении тождества «Я» и «Мы», причем, «Мы» является приоритетным. Как отмечает Е. К. Быстрицкий, «понятие идентичности имеет обязательное и необходимое рефлексивное или интенциональное измерение: направленность участников в актах самоосознания на соотнесение себя с той или иной общностью, коллективом» [1, с. 56]. Это свидетельствует «о непреодоленной интерпретации персональной идентичности в перспективе ее классического понимания как Я, которое достигает своей самотождественности через присвоение собственной коллективной сущности» [1, с. 64]. Тем самым, осмысление феномена идентичности, с одной стороны, предполагает преодоление разрыва «Я» и «Мы», то есть поиск способов взаимодействия, форм коммуникации. В то же время, идентичность невозможна без сохранения «автономии» Я, его границ в любых формах групповой идентичности, что возможно за счет «сворачивания» каких-либо отношений.

Необходимость соединения противоположных аспектов в понимании идентичности определяет, на наш взгляд, суть проблемы, которая может быть осмыслена в контексте парадигмы сложности.

Действительно, сложившиеся трактовки идентичности дают основания рассматривать ее не столько как сложный феномен, сколько как *феномен сложности*, понимание которого требует определенного онтологического и методологического контекста. На наш взгляд, стратегии анализа проблемы идентичности следует формировать через осмысление *антропологической сложности*, которая репрезентует онтологию «антропосоциального развертывания» (Э. Морен). Для прояснения содержания этого понятия наши дальнейшие рассуждения необходимо предварить общими онтологическими и методологическими положениями.

Исследуя сложность, Э. Морен отмечает две ее фундаментальные характеристики. Во-первых, сложность – это холизм, соединение частей, элементов, которые образуют целое с новыми свойствами. Во-вторых, сложность буквально раздираема глубокими, нередуцируемыми противоречиями, которые не столько разрушают, сколько строят ее [2, с. 14].

Раскрывая особенности холистической картины мира, Э. Морен подчеркивает циклическую зависимость антропосоциальной и физической реальности: «Не только человечество является побочным продуктом космического становления, но также и космос является побочным продуктом антропосоциального становления» [2, с. 127]. В этом переплетении космофизической вселенной и антропосоциальной вселенной, где каждая порождает другую, всецело завися от другой; переплетении объекта-космоса и познающего субъекта, который появляется как событие в космическом становлении, но в тоже время в познании охватывает весь космос и порождает его в собственном видении» – в этом и обнаруживается сложность – онтологическая, если говорить о сложности мира (и человека), и гносеологическая, если переходить к проблеме познания.

К принципам познания сложного Э. Морен относит: принцип рекурсии (челночное движение от частей к целому и от целого к частям); голографический принцип (во всяком сложном явлении не только часть входит в целое, но и целое встроено в каждую отдельную часть); принцип обратной связи (причина и следствие замыкаются в рекурсивную петлю: причина воздействует на следствие, а следствие на причину); принцип самопроизводства и самоорганизации (генерирующей петли, в которой продукты сами становятся производителями и причинами того, что их производит); принцип авто-эко-организации, диалогический принцип [2, с. 16-17].

Как часть сложного мира, антропосоциокультурное бытие может быть представлено как антропологическая сложность, поскольку оно разворачивается «из» сложного субъекта – «с его недостаточностью, ограниченностью, эгоцентризмом, этноцентризмом, а также с его волей, сознанием, вопрошанием и направленностью на исследование... с беспорядком, неопределенностью, противоречием, его смятением перед космосом, потерей привилегированной точки наблюдения, но также и одновременно с осознанием его культурной и социальной укорененности *hic et nunc*, здесь и теперь» [2, с. 126]. Таким образом, антропологическая сложность соотносится с онтологией сложности (становлением, неопределенностью, хаосом, порядком, взаимодействием) и «индивидуальной онтологией» (В. Г. Табачковский), в центре которой человек как сложность.

Само стремление человека обрести идентичность исходит из его принципиальной открытости, изначальной сущностной (эссенциальной) и экзистенциальной неопределенности. Человек всегда пребывает на пути к самому себе, в постоянном самопоиске и самопроектировании. Обретаемая на этом пути идентичность также содержит в себе момент незавершенности, что свидетельствует скорее о достигнутом временном «тождестве миро- и самооткрытия» [3, с. 110]. Тем самым, фактически имеет место *идентификация* – процесс постоянного *вновь-обнаружения*, открытия человеком его «Я».

В. Г. Табачковский, предлагая антрополого-рефлексивную ориентацию на признание принципиальной взаимодополняемости всех явных и возможных сущностных определений человека, подчеркивает его полисущностность, и высказывает предположение, что в ней, быть может, главная трудность поиска человеческой самоидентичности [4, с. 395]. Полисущностность определяет эссенциально-экзистенциальную неопределенность человека, идентичность которого перестает быть «антропологической константой».

Человека, с учетом его полисущностности, можно определить как принципиально неустойчивое существо, способное к нелинейной самореализации, в ходе которой высвобождается его разрушительный и творческий потенциал. Именно такой человек призван стать эпицентром антропокультурной онтологии, поскольку две его сущностные потребности – смыслополагания и самореализации – вынуждают его постоянно и вновь создавать собственное бытие. Таким образом, ответ на вопрос «Кто Я?» зависит от понимания того, как (каким образом) он становится человеком.

Полисущностный человек, решая проблему согласования собственных эссенциалей, сущности и существования, в основу своего бытия закладывает конфликт: с собой, с «другим», между поиском положительного и отрицанием ценностей [5, с. 290]. В его бытии действует «закон нетождественности», принцип нарушенной симметрии, что допускает взаимодействие, взаимодополнение противоположного, «одного» и «другого». Человек, который по своей сути порождает и живет в онтологическом конфликте, обречен (опять же по своей сути, для того, чтобы жить) находить пути, средства его преодоления. В таком онтологическом контексте и обнаруживается экзистенциальная потребность идентификации.

Принципиальная несводимость сущности ни к одному из ее проявлений оборачивается для человека необходимостью сопряжения разных стратегий исследования мира. Г. И. Шалашенко отмечает, что ответ на вопрос «Что такое человек» остается недостаточным без ответа на то, «Кем есть человек? Всегда текучий, постоянно меняющийся контекст бытийного мира человека все время восстанавливает сложность отношений между этими двумя вопросами, и на каждом историческом этапе теоретическое установление этих отношений значительно более сложным делом, чем это кажется на первый взгляд [6, с. 126].

Как внутреннее, сущностное, интимное, идентичность есть бытие-возможности (Быстрицкий) полисущностного человека. Как публично-всеобщее, она представлена в объективированных характеристиках отношений и действий людей. Игнорирование этой онтологической разницы создает пространство упрощенного понимания феномена идентичности [1, с. 75]. Понимание идентичности как процесса позволяет преодолеть этот онтологический разрыв. В становящемся человеке сопрягаются, порождают друг друга различные формы идентичности: потенциальные – обнаруживаются и объективируются, выраженные – активизируют потенциальные. Идентификация предстает свойством антропологической сложности, становящейся по принципу самопроизводства и самоорганизации.

Развертывание идентичности происходит в определенном социокультурном контексте. Но верно также и то, что становящийся человек одновременно создает, формирует, изменяет то, с чем себя идентифицирует. Это означает, что человек и социокультурное пространство идентификации генерируют друг друга. На «языке сложности», они связаны по принципу рекурсии – человек во взаимодействии с другими идентичностями продуцирует социокуль-

турную среду, которая, в свою очередь, обладая эмерджентными свойствами, продуцирует человеческие идентичности. В «генерирующей петле» возникают и действуют собственно культурные «механизмы», обеспечивающие становление человека как персонализированной (С. Б. Крымский) формы культуры.

Если идентичность можно определить «как выражение способа бытия в тех или иных общностях» [1, с. 72], то идентификацию – как *создание* способа бытия человека, или культуры. Разнообразие содержания культуры, таким образом, следует рассматривать как идентифицированную полисущность человека. Вынужденный организовывать, формировать, разворачивать свой жизненный мир через идентификацию, человек создает культуру, в которой и благодаря которой его мир создается.

По словам Е. К. Быстрицкого, фактическая принадлежность жизненному миру культуры является неизбежной характеристикой идентичности. «При всех возможных кризисах «малых идентичностей» – коллективных принадлежностей к тем или иным общественным стратам (классам), профессиональным и гендерным категориям, группам по интересам и т.д. – границей идентичности остается граница принадлежности к тому или иному «большому» охватывающему этнонациональному, культурному миру жизни» [1, с. 58-59]. Граница идентичности человека совпадает с культурой, что означает также – определяется, задается, обозначается культурой.

Потенциальная способность человека к многовекторной самореализации дает основания говорить о *полиидентификации* – разнонаправленном, часто непредсказуемом по своим результатам процессе самопоиска и самоопределения человека. Полиидентификация репрезентует человека как антропологическую сложность, которой имманентно присуща неопределенность. Э. Морен пишет: «Как только индивид предпринимает действие, каким бы оно ни было, оно начинает ускользать от его намерений. Это действие вливается во вселенную взаимодействий и, в конечном итоге, поглощается окружением, так что в результате может получиться даже нечто противоположное по отношению к первоначальному намерению. Часто действие возвращается бумерангом к нам самим» [2, с. 18]. Привычная линейная схема человека действующего – «предпринятое действие – полученный результат» выявляется непродуктивной и уступает место нелинейной схеме человека полисущностного.

Близкую идею формулирует Г. П. Ковадло, отмечая необходимость новой другой модели идентичности. Модели, представляющей не самоотжественность или просто равенство, одинаковость (биологической или гендерной идентичности, которая неизменно-одинаковая от рождения и до смерти), а «игру взаимоконституирующих ссылок», в которой возникающие значения в сам момент их появления уже не идентичны себе, поскольку удерживают не только Свое, но и Другое и тем самым – возможность видоизменяться, обогащаться, наполняться новым смыслом [7, с. 114].

Связанная с неопределенностью, полиидентификация содержит не только возможность обретения себя, но и возможность самотраты. Идентичность человека непредзадана и не гарантирована. Приобщение к «Другому» может обернуться порабощением «Я». Разделенность «Я» и «Другой» может казаться настолько непреодолимой, что остаться может или только «Я» или только «Другой». Полиидентификация, тем самым, сопряжена с «негативной» идентичностью в различных ее проявлениях: отрицания предлагаемых культурой форм и способов идентификации (контркультурные тенденции), демонстрации девиантного и маргинального поведения, жертвования собой ради сохранения себя и своей культуры, наконец, идентификации с антикультурой.

Анализ идентичности как феномена антропологической сложности еще в большей степени актуализирует проблему самоопределения человека в культуре. Именно в таком онтологическом контексте выявляется экзистенциальная потребность в человекоберегающем способе бытия, создать который человек должен собственными усилиями. Парадокс антропологической сложности заключается в том, что человек тождественен не только культуре, он «носит» в себе множество «антикультурных миров», которые объективирует и с которыми идентифицирует себя. Поэтому человекомерность культуры не обуславливает полной культуромерности человека, но оставляет ему право на самотворчество.

Литература:

1. Бистрицкий Є. К. Ідентичність, спільнота і політика визнання // Визначальні виміри сучасного філософсько-антропологічного знання / Зб. наук. праць : Філософсько-антропологічні студії, 2013. – К. : СтилоС, 2013. – С. 55–78.
2. Морен Э. Метод. Природа Природы – М. : Прогресс-Традиция, 2005. – 464 с.

3. Загороднюк В. П. Антропологія пізнання: позитивні та негативні аспекти // Грані людського буття: позитивні та негативні виміри антропокультурного / Є. І. Андрос, Г. І. Шалашенко, В. П. Загороднюк [та ін.] : – Київ : Наукова думка, 2010. – С.141–166.

4. Табачковський В. Г. Полісутнісне homo: філософсько-мистецька думка в пошуках «неевклідової рефлексивності». – К. : Видавець ПАРАПАН, 2005. – 432 с.

5. Ковадло Г. П. Толерантність у конфлікті : суспільна практика та сучасні етичні обґрунтування поняття // Грані людського буття: позитивні та негативні виміри антропокультурного / Є. І. Андрос, Г. І. Шалашенко, В. П. Загороднюк [та ін.] : – Київ : Наукова думка, 2010. – С. 289–313.

6. Шалашенко Г. І. Філософська антропологія між двох питань: «що таке людина» і «хто така людина» // Сучасне філософське антропологічне знання в контексті викликів доби: дев'яті Шинкаруківські читання : матеріали Міжнар. наук.-практ. конф., 18 квітня 2014 р. / Нац. акад. наук України та ін. – Хмельницький : ХМЦНП, 2014. – С. 122–130.

7. Ковадло Г. П. «Інший» і «Чужий» в сучасному світі та феномен толерантності // Сучасне філософське антропологічне знання в контексті викликів доби: дев'яті Шинкаруківські читання : матеріали Міжнар. наук.-практ. конф., 18 квітня 2014 р. / Нац. акад. наук України та ін. – Хмельницький : ХМЦНП, 2014. – С. 109–119.